

ОРК

Б718_Р

I-XX

(44)
Б-68

П. БЛЯХИН.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОММУНЫ.

Картина из истории Парижской Коммуны
1871 года.

1005

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Уральское Областное Отделение.
Екатеринбург—1920.

М 127.666

14h. "120"
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

П. БЛЯХИМ.

944
5-68

999
24.6.66.
1941
АРХИВ
ПРО ВОЗГЛАШЕНИЕ
КОММУНЫ.

Картина из истории Парижской Коммуны
1871 года.

ИНВ. 936 Г. 1936
578
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ
С. М. КИРОВО
КНИГОХРАНИЛИЩЕ

ОБЛ. БИБЛИОТЕКА

г. СВЕРДЛОВСК

Государственное издательство.

Уральское областное отделение.

Екатеринбург — 1924.

9/44

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Мальчик 15 лет.

Девушка 18 лет.

1-й рабочий (молодой, энергичный, здоровый).

2-й рабочий (тоже молодой).

3-й рабочий (лет 45).

Знаменосец („золотой молодежи“ молодой, лытый).

Редактор журнала „Фигаро“ (маленький, шикарно одетый, юркий. Несколько комичен).

Торговец фрунтами (сухой, длинный).

Газетчик (мальчик 13-14 лет).

Начальник первого отряда национальной гвардии.

Гвардеец Жюль (очень высокий, средних лет).

Ранье — член центрального комитета (средних лет).

Член коммуны (молодой типичный французский рабочий того времени).

Члены центрального комитета (5-6 человек).

Члены коммуны (10-15 человек).

Толпа рабочих, работниц, мелкая буржуазия, интеллигенция, детишки всех возрастов до грудных включительно (на руках у матерей).

Толпа „золотой молодежи“, сотни солдат национальной гвардии, артиллеристы и матросы.

Перед открытием занавеса совершенно необходимо сделать хотя бы маленький краткий доклад об истории Парижской Коммуны 1871 г., а в частности отметить день 18 марта и 28-го — момент провозглашения коммуны.

ДЕЙСТВИЕ 1-е.

Париж: Яркое солнечное утро. Сцена представляет на себе площадь перед ратушей. В глубине сцены ратуша. Направо видна улица и кусок на половину разобранной баррикады. Перед ратушей с левой стороны (*от зрителей*) на первом плане высокая эстрада.

Ратуша, дома в улице, баррикада, эстрада и вся площадь вообще ярко украшены флагами, лентами, зеленью, цветами и проч.

Д. в л. е. 1-е.

4 солдата национальной гвардии, 3 рабочих. Редкие протезные. Вдали из-за сцены слышен глухой рессет колес по мостовой, отдававшие фабричные свистки, выкрики проходящих уличных торговцев, газетчиков и другие признаки, отбрасывающие жизнь улицы. Взяв ружье в ногу, гвардейцы стоят нех подвижно все у дверей ратуши, двое—у пушки.

Трое рабочих, постукивая молотками, оканчивают украшение эстрады. Пауза 2-3 мин.

1-й рабочий. (*молодой, увлекающийся, сильный— в восторге осматривает эстраду*) А ведь здорово выходит.

2-й рабочий. (*молодой*) Замечательно, Эмиль, все сияет, как солнце.

3-й рабочий. (*пожилой лет 45.*) Для такого торжества, поработать стоит.

2-й рабочий. Да коммуны мы видим не каждый день.

1-й рабочий. Никогда еще Париж не переживал такой радости. У меня здесь (*бьет себя в грудь*)

4

все так прыгает, что я кому-нибудь кости поломаю сегодня (*сильно хлопает по плечу 3-ю рабочему*). Так-то, дядя Пьер?

3-й рабочий. (*хватаясь за плечо*). Ну ты, брат, не того, не этого, меня-то не лсмай. Я и без того поломаю.

2-й рабочий. Говорят в члены коммуны выбраны одни революционеры.

1-й рабочий. Все не все, а из девяносто-шестьдесят наверно ваши. Рабочие на эти выборы ва-лом валили.

Д в я н и е 2-е.

Газетчик. (*мальчик лет 13-15 бежит, махая газетой и громко выкрикивает*), Пти Журналы! Пти Журналы! Фигаро! Свежая новость: по распоряжению центрального комитета убиты генералы Лемонт и Тома... Убийцы захватили власть над Парижем. Фигаро! Фигаро!

1-й рабочий. (*газетчику*) Эй, малыш. Что ты там желешь вадор. Иди-ка сюда, я тебя за уши выдеру.

Газетчик. (*Проворно подавая газету*) Пожалуйста носье... Кричу то, что написано. Если врет газета и мы врем—наше дело маленькое..

(*Получив деньги, убежает*).

1-й рабочий. (*пробегая глазами газету*) Вот мерзавцы и в самом деле пишут, что генералы убиты по распоряжению центрального комитета.

2-й рабочий. Ложь, я сам видел, как солдаты гиались за ними, а их старались удержать именем комитета, но из этого ничего не вышло. Солдаты

так ненавидят этих кровоопийц, что никакая сила не могла бы удержать их.

3-й рабочий. Ну так что-ж, и поделом им. Я жалею того, что не всех перебили. Все они на стороне монархии и богатых... знаем мы их того, дебрянчиков.

2-й рабочий. Я тоже думал что эти господа изоброят нам еще не мало бед.

1-й рабочий. Да, быть перепалке. Проклятые Тьер все еще сидит в Версале и скалит зубы.

2-й рабочий. Что я говорить,—крестьяне и на этот раз с нами пойдут—гражданская война неизбежна.

3-й рабочий. А прусаки тоже снюхаются с нами и пойдут против Парижа.

2-й рабочий. Но беда, вся национальная гвардия за нас, а их двести тысяч...

1-й рабочий. (задорно) Да и нас не мало. В случае чего и мы сумеем ружья заряжать, а не хвистит ружей—пустим в ход вот эти игрушки (взмахивает молотком).

3-й рабочий. Ну, с этим того, против пушки не попрешь.

1-й рабочий. (задорно) А вот и попрем. Как же наши женщины—то голыми руками митальезы защипцали?

2-й рабочий. Правильно, все говорят, что они бросались на солдат, отнимали у них ружья. Те даже обалдели от удивленья.

3-й рабочий. Ну, то другое дело. В женщину

значит того, стрелять не будешь, потому, она глу-
хая: „волос долог, да ум короток“^а.

1-й рабочий. Брось, дядя, чепуху молоть.

Я в л е н и е 3-е

(Сарава по направлению к эстраде идет девушка 18 лет,
в матроске, чернокудрая веселая, свежая как весна, с ней
мальчик лет 13-15, сын сапожника, коренастый и сильный,
одет бедно, бос).

Мальчин. *(продолжая разговор)* Ты говоришь, что
теперь всем буржуа карачун пришел.

Девушка. Да, сегодня будет об'явлена коммуна

Мальчин. Значит эта рубуша будет наша?

Девушка. Наша.

Мальчин. А королевский дворец?

Девушка. И дворец перейдет к народу.

Мальчин. А колбасная толстяка Альбера?

Девушка. А на что тебе колбасную.

Мальчин. Как на что,—есть. Там висят такие
колбасищи, что как идешь мимо голодный, то все
кишки наизнанку выворачивает.

Девушка. *(оглядывая площадь)*—Ах, как чудесно
устроено.

Мальчин. *(подходя к эстраде 3-му рабочему)*—
Здорово дядя Пьер.

3-й рабочий. Здорово, мальчище.

2-й и 1-й рабочий. *(кланяясь девушке)*—А, Мари,
здравствуй.

Девушка. *(приезливое)*—Здравствуйте, здрав-
ствуйте.

2-й рабочий. (глядя направо в улицу)—Что это за галдеш там. (Все смотрят в улицу. Слышен юмон юлюсов, свистки и выкрики приближающейся толпы).

1-й рабочий. Ба, это все те же шелопаи, сынки буржуев и купчики. Четыре дня тому назад на улице св. Августины они собрались вот так же толпой человек в тысячу и напали на двух гвардейцев.

2-й рабочий. Ну и что же. Попало им?

1-й рабочий. Да, брат, наши такого перцу им всыпали, что многие до конца жизни не забудут.

2-й рабочий. (указывая в улицу)—А кто это несет знамя. Пьяный кажется.

1-й рабочий. Это сын крупного биржевика Руэр. А вон маленький, редактор поганого журнала "Фигаро", рядом, шатается, вечный кутила и развратник, Фальи, за ним молодой купчих Пикар.

3-й рабочий. (сердито)—Вся, того золотая рвань собралась... Быть скандалу...

2-й рабочий. Сюда заворачивают (рокот толпы постепенно усиливается).

1-й рабочий. Наверное хотят и здесь подебоширить.

2-й рабочий. Ну, так что-ж пусть попробуют.

3-й рабочий. (к 1-му рабочему)—Вот кому ты можешь, того, ребра то поломать, а ты дурень, на меня набросился...

1-й рабочий. (взмахнув большой доской)—Правильно, дядя Пьер. С удовольствием поломаю, давно уж руки чешутся. А ты как думаешь?

3-й рабочий. (хладнокровно)—А я, того ника...

В случае чего топориком тюкану (берет топор и сбежкою что-то обтесывает им).

2-й рабочий. (весел) — А мы молоточком проедемся Мальчик. И я с вами. Дайте и мне что-нибудь скакивает на эстраду).

3-й рабочий. Куда уж тебе, того, карапуз.

1-й рабочий. (девушке) — Марь, иди и ты сюда, а то это стадо задавит вас.

Девушка. Меня? Ну нет, меня не так скоро задавишь (поднимается на эстраду).

Я в л е н и е 4-е.

(С шумом, свистом, пьяными песнями на сцену взваливается толпа „золотой молодежи“, шикарно одетые, сытые, выхлебными, с зонтиками, тросточками и проч.).

Толпа (орет разрозненно) — Долой комитет! Долой санжюлоты! Долой убийц!

Знаменосец. (с национальным знаменем в руках, подвыпивши с растегнутым пиджаком и жезлетом, с нагстуком на боку. Подойдя к эстраде, останавливается. Тишина. Знаменосец, обращаясь к рабочим, начал кричит) Эй вы санжюлоты, кто вам позволил площадь портить. (В толпе пьяный хохот).

1-й рабочий. Это ты воздух портишь, а мы украшаем эстраду для коммуны.

Знаменосец. Что? Коммуна. Ах голоштанника, мы вам дадим коммуны...

Толпа. (кричит) Долой коммуны! Долой! Долой! (угрожающе надвигается на эстраду).

Знаменосец. (призывая к порядку) Стойте, стойте.

господа. Сначала я скажу вам речь. Я оратор, повимааете, я Цицерон (*поднимается на первую ступеньку эстрады*).

1-й рабочий. (*второму*) Звездануть его доской. А?

2-й рабочий. Постой, послушаем, что брехать будет.

Знаменосец. Господа! Власть над Парижем значит захватили оборванцы и разбойники. Вот значит они хотят все наши богатства. Вот эти прохвосты (*жест в сторону рабочих*), они грабят наши банки и магазины. Их центральный комитет, значит, — это банда известных аферистов и разбойников. Все эти голоштанники, а хотят, значит, пролесть в министры и жить в палатах.

Толпа. Долой разбойников! Долой! Правильно.

1-й рабочий. (*слезка поднимая доску*) Звездануть или рано?

2-й рабочий. Постой, не горячись.

Редактор „Фигаро“. (*бесцеремонно толкнув знаменосца и став на его место, кричит*): Господа, эти санкюлоты не только пролезут в министры, но они уничтожат нашу благородную вековую культуру... Они в грязных сапогах залезут на нашу бархатную и шелковую мебель, они появятся в наших блестящих кафе и салонах... Они повсюду натывают свои красные тряпки и распускают зловоние нечистот и грязи...

Толпа. (*ревет*) Долой тряпки. Долой коммуны. Долой голоштанников.

1-й рабочий. (*коротким толчком отбрасывает в сторону редактора, поднимает доску над головами*

и невно кричит) Молчать, свиные рожи! Мы вам покажем тряпки (толпа шарахается в сторону. Редактор визжит от испуга и проворно ныряет в толпу).

2 й рабочий Прочь отсюда, грабители. (Взмахивает молотком).

3 й рабочий (хладнокровно показывая топор) А мы того, топориком тукнем!

Толпа. Долой оборванцев. Долой коммуны. (Снова угрожающе надвигается на эстраду. В то время часть делает попытку окружить и обезоружить часовых, но когда толпа слишком быстро надвигается, вардейцы угрожают штыками, толпа шарахается обратно).

Знаменосец, (громко кричит, пятясь назад). Бейте их голоштанников. Бейте прохвостов...

Редактор. (визжит, шныряя в толпе)—Бей санкюлотов. Долой убийц.

Толпа. (подталкиваемая задними рядами, подкатывается вплотную к эстраде с поднятыми палками, с камнями и т. п., с ревом)—Бей их, бей...

Рабочие. (словно по команде все трое и мальчик сразу взмахивают топором, молотком и досками над головами ближайших, которые с ревом и ужасом шарахаются в сторону. Девушка спокойно стоит позади рабочих на эстраде. В то же мгновение слева внезапно появляется небольшой отряд вардейцев и под тревожный бирабанный бой выстраиваются перед толпой).

Я в л е н и е 5-е.

Начальник отряда. (кричит на миновение при-
тиснувшей толпе)—Именем центрального комитета—
расходитесь.

Редактор. (из задних рядов)—Долой центральный
комитет. Вперед, господа.

Толпа. (снова похватывает крик) — Долой
комитет (передние ряды изо всех сил упираются, но
задние снова придвигают их к эстраде и вардейцам.
Рабочие, глядя на них, смеются).

Начальник отряда. (взмахивая шашкой) Преду-
преждаю последний раз—разойдись! (борабан бьет
тревогу).

Толпа. (ревет, машет палками, зонтиками,
кинжалами, раздается 3—4 револьверных вы-
стрела по вардейцам. Рабочие бросаются на толпу.
Начальник отряда снова взмахивает шашкой, отряд
миновенно берет на прицел и делает залп вверх).

Толпа. (с диким воим бежит направо, роняя
зонтики, палки, и жи, револьверы, фуражки и проч.
Сцена мгновенно пустеет. На земле остаются
только редактор и знаменосец, который с-пьяна и
от испуга зачумался головой в знамени и копо-
шится, в нем безнадежно и пытается освободиться).

Редактор (отчаянно визжит, хватаясь за зад,
лежка на животе)—Ай, убили... Ай, попали... Убили...
убили... (вардейцы и рабочие, глядя на них, зали-
ваются хохотом).

Начальник отряда. (самоу рослому вардейцу)—
А ну-ка, Жак, оттащи этих кабанов в сторону.

Гвардеец. (отдает винтовку соседу и ровными шагами подходит к редактору, мимовенно — иронически смотрит на его зад). Ишь ты, мы стреляли вверх, а пуля попала в зад, стало быть свои подстрелили (берет его за ворот и тащит к знаменосцу. Редактор начинает снова комически визжать): — А-й а-й ай, убили... убили...

1-й рабочий. (со смехом) — Визжит, как поросенок, а еще редактор.

2-й рабочий. Однако пуля остроумная, попала туда, куда следует труссу.

Гвардеец. (подойдя к знаменосцу, который к этому моменту высунул лысую голову из-под знамени, берет его свободной рукой также, как редактора за воротник и, встряхнув поднимает на ноги).

Знаменосец. (в ужасе ревет) Караул.. Режут... Караул...

Редактор. (хватаясь за зад) Ой, убили... убили...

Гвардеец. (приподняв обоих, уносит за сцену направо, ворча) — Ну, завыли, храбрецы... (гвардейцы смеются, глядя им в след).

Начальник отряда. Становись на места, ребята! (гвардейцы становятся двумя шпалерами от эстрады до дв.рей ратуши).

Мальчин. (3-му рабочему) — Дядя Пьер, если версальцы нападут на Париж, я пойду с вами на баррикады.

3-й рабочий. (смеясь) Куда тебе, карапузу — ты, того, и ружье-то не поднимешь.

Мальчин. (задорно) Я не подниму. Меня отец

давно уже стрелять научил... Мы вместе с ним драться будем.

Девушка. И я тоже.

Мальчик. (с некоторым пренебрежением)—Ты? Да разве война женское дело. Ваша работа раненых перевязывать, а драться уж мы будем, мужчины.

2-й рабочий. А да, Петушок, мальчишка.

1-й рабочий. (о востыщенни, глядя на Мари)—А какова наша Мари?

3-й рабочий. (стукнув топором)—Готово... Бросай ребята...

1-й рабочий. Идемте скорее, а то как бы места не прозевать.

2-й рабочий. (указывая на улицу направо)—Вон уж идут гвардейцы и рабочие с заводов (прворони собирают инструменты и все уходят направо присоединяясь к подходящим рабочим).

Я в л е н и е 6-е.

Небольшими группами с красными знаменами в руках в цепном марше появляются рабочие, работницы, с ними дети. Там и там вкраплены представители мелкой буржуазии и интеллигенции. Знамена устанавливают около эстрады, часть у ратуши, на баррикаде, остальные держат в руках. В толпе выкрикивая названия газет Фигаро, Коммуны, Голос, Пти Журналь и т. п., шныряют газетчики, с лотками на головах свуют различные торговцы: водами и проч. В разных концах в глубине улицы и частью на сцене поют революционные песни. Рампа постепенно уничтожается) Пространство между артефактом и сценой (места для оркестра, сиденья) заполняются так, что зрительный зал является

как-бы продолжением толпы на сцене. Затем появляются отряды национальной гвардии (в перемежку с матросами) со своими знаменами. Часть выстраивается в две—три ширинги за эстрадой вдоль посада ратуши, часть по бокам эстрады и т. п. Большинство отрядов проходит за сцену налево с барабанным боем, с музыкой или песнями. Минут 5—6 на сцене и за сценой беспорядочное движение, музыка, песни, крики команды, барабанный бой, аплодисменты, и приветствия толпы, но постепенно все приходит в порядок и наконец зритель увидит неподвижные ряды штыков и кепи национальной гвардии и живую радостную яркую толпу, заполняющую все норы между гвардейцами. На пушках, в окнах ближайшего дома, на повозках, всюду стоит или висит народ. Детишки залезают на фонарные столбы, на плечи отцов и т. п.

Все, так или иначе украшено красным цветом: на ком надета красная рубашка, красное кепи, ленточки, флажки, багтики, цветы и проч. На штыках гвардейцев сплошь красные флажки и ленты. Вдали раздаются глухие пушечные выстралы

Я в л е н и е 7 - е

После того, как на площади устанавливается порядок, центральная дверь ратуши открывается. На пороге появляется член центрального комитета Равье, опоясанный на груди красным шарфом. На одно мгновение водворяется тишина. Слышна короткая команда: „На караул“. Гвардейцы бегут на караул, офицеры отдают честь шашками. В то же мгновение раздается могучий крик толпы:— „Да здравствует коммуна“. Фуражки и копья летят вверх, мелькают флажки, поднимаются руки. Толпа сразу хлынула к эстраде, но упершись

в стену гвардейцев, откатывается на старые места. Мужики играют марсельезу.

Крики:—Это Ранвье.. Это член центрального комитета.

Ранвье на мгновение останавливается на пороге, кладется толпе и медленно спускается вниз по ступенькам ратуши, идет между шпалерами к эстраде. Вслед за ним один за другим выходят члены центрального комитета и коммуны, точно также опоясанные красными шарфами.

При появлении каждого нового лица новые взрывы криков: „Да здравствует коммуна! Да здравствует центральный комитет!“ Из толпы выкрикиваются имена выходящих: это Бурье... Малон... Варлен... Тейсс... Авриаль... Пэнди... Дюжелев... Дюваль... Шампи и т. п.

Ранвье (появляется на эстраде. Новый взрыв криков. Ранвье поднимает руку, желая говорить. Постепенно водворяется тишина, раздаются крики): „тише, тише... слушайте Ранвье хочет говорить“. (В то же время заполняют эстраду остальные члены центрального комитета и коммуны. Первые группой становятся около Ранвье, вторые напротив. Ранвье, обращаясь к народу, говорит): граждане! Сегодня великий день, сегодня впервые сам народ вошел на престол. Центральный комитет, рожденный в дыму и пламени революции, передает свою власть избранникам трудящихся Парижа—красной коммуне. (Взрыв рукоплесканий и криков—„Да здравствует коммуна. Bravo Ранвье.. и т. п.)

Ранвье. Граждане сегодня Париж открыл книгу истории на белой странице и вписал в нее свое великое имя.

В десятый раз со времени великой революции, рабочие Парижа спасают честь Франции, указывая стране верный путь к свободе, от позора — к славе.

В десятый раз народ-герой поднимает знамя борьбы за мир и счастье всего человечества.

Великий столетний путь от революции к коммунизму усели трупами пролетариев, осыпан их разбитыми черепами, омыт слезами жен и матерей их.

Но этот крестный путь привел нас к освобождению и счастью.

И вот над нашими головами уже реет целое море красных знамен; они горят как солнце, как ожившая кровь, пролитая под ними.

И сотни тысяч новых, борцов словно воскресли из мертвых и опять готовы к бою.

Вот они перед нами (*широкий жест. Взрыв рукоплесканий.*)

Ранвье.—Граждане! Я не могу говорить сегодня. Мое сердце слишком полно радости и счастья. Позвольте мне только воздать хвалу населению Парижа за тот великий пример, который он дал миру.

Пусть шпионы Версаля, которые швыряют во круг нас, скажут своим господам, какие звуки потрясают грудь свободных граждан Парижа: пусть эти презренные трари нарисуют картину картину Тьеру величественное зрелище как народ вступает в свои самодержавные права (*взрыв рукоплесканий и грозные крики: „Долой Версаль! Смерть Тьеру!“*)

Ранвье.—делает знак рукой, кризывая в молчанию и продолжает, обращаясь к членам комиссии.

Граждане, члены коммуны! Перед лицом всего народа центральный комитет передает в ваши руки свою революционную власть (*ко всем восклицает*). Именем народа превозглашена коммуна.

Толпа. (*с необычным энтузиазмом*). Да здравствует коммуна! Да здравствует центральный комитет! (*одновременно все оркестры гремят марсельезу, прокатываются из конца в конец громовые рукоплескания. Гвардейцы берут на караул. Трубят атаку. Через минуту на место Ранье поднимается член коммуны типичный французский рабочий того времени, но так же как и все опоясан через плечо красным шарфом. Он делает знак рукой и постепенно рокот толпы стихает. Когда водворяется тишина, он говорит*): Граждане Парижа, в лице коммуны сегодня рабочий класс впервые принял власть в свои руки и могучей рукой вновь зажег красный светоч Франции и всему миру. Но позвольте напомнить вам и день 18 марта. Это первый день пролетарской революции, когда наше подлое правительство сделало попытку обезоружить народ, отобрать у национальной гвардии ее пушки и ружья. Правительство хорошо знало, что гвардия сплошь состоит из рабочих, оно знало тоже, что только безоружный народ можно угнетать и грабить безнаказанно. Но большинство правительственных войск, как вы уже знаете, отказалось идти против гвардии и к великому ужасу своих генералов—начало братание с народом. Таким образом, почти без пролития крови великий город оказался во власти революционных рабочих, с центральным комитетом во главе (*рукоплескания*.)

Раньше.—Но я считаю своим долгом засвидетельствовать перед вами, что нашей победой мы в значительной степени обязаны героическим женщинам Парижа. Они первые заметили опасность и первые оценили наши митральезы и пушки, готовые защищать их голыми руками.

Как во времена великой революции, почти сто лет тому назад, так и теперь — 18 марта, женщины-работницы вышли на улицу раньше всех.

Толпа. (дружно) Да здравствуют женщины. (Взрыв рукоплесканий. Некоторым работницам мужчины радостножимают руки).

Член коммуны. (после короткой паузы). Граждане! В результате победы 18 марта—сегодня мы провозглашаем коммуну, но помните, что в этот день, и быть может в те же часы, в черном Версале, собрались все приспешники монархии, все клерикалы, все либералы, все заклятые враги свободы. Полной дикой ненависти к рабочему классу и страха за свое золото, они все сплотились воедино и призывают Францию на борьбу с Парижем. Их коварный глава Тьер возбуждает крестьян против рабочих и организует гражданскую войну.

Толпа. Позор... Смерть Тьеру... Смерть тиранам.

Член коммуны. Но я верю, граждане, что в эти великие дни Париж способен породить новый мир, ибо Париж это огромное братское сердце, к которому приливает вся лучшая кровь Франции. (Взрыв рукоплесканий, крики: „браво“) —Я знаю, что никакие препятствия, никакая борьба не испугают рабочих и красное знамя коммуны мы утвердим

над миром. Если в 79 году буржуазия написала декларацию права человека и гражданина, разумел под человеком золотой кошелок и биржу, то теперь мы напишем новую декларацию—декларацию прав трудящихся и угнетенных.

Долой тиранов. Да здравствует красная коммуна и братство народов.

Оляпа. (с энтузиазмом подхватывает клич)— Да здравствует коммуна! Долой тиранов! (Вновь кричит марсельеза).

Член коммуны. (после короткой паузы, высоко поднимает красное знамя над головами толпы и при наступившей торжественной тишине, громко восклицает): Граждане! Сегодня первая коммуна, (поднимает снова красное знамя) которая на многие годы будет путеводной звездой угнетенному человечеству. Вслед за первым, мы провозглашаем:— Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Могучий крик сразу вырывается из уст всей толпы:— Да здравствует коммуна. Да здравствует свобода и т. п.

Все знамена сразу поднимаются вверх. В зрительный зал дается полный свет. Из многих лож выбрасываются знамена, залы из пушек. Барабаны бьют поход, мощный духовой оркестр начинает русскую марсельезу, толпа и весь зрительный зал дружно подхватывает и стоя поют один—два куплета. Гвардейцы берут на караул. Время от времени грехочут вдали пушки. Фуражки и кепи летят в воздух, мелькают шапки, красные ленты, флажки, руки и т. п. Желщины в восторге обнимают друг друга, целуют овалы детей и поднимают их вверх, к астрале, словно ожидая чуда от знамени коммуны. Детишки выше поднимаются по

отолбан, взбираются на илечи отдов и тоже машут фуражками, смеются и проч.

Все звуки сливаются в один потресающий аккорд, полный революционного энтузиазма и радости.

Новый член коммуны разворачивает рукопись—список членов коммуны, готовясь читать его. Но никто не слушает, продолжая петь.

В начале или в середине второго куплета занавес медленно спускается, при чем пение и музыка продолжают и за занавесом, постепенно стихая. (В случае вызовов, занавес открывается снова, толпа стоит на прежних местах и продолжает марсельезу).

M. 157
M. 157

цена 1 р. 50 к.

Указавшая на книгу цена ни-
ем не может быть повышена.

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Уральское Областное Отделение.

Екатеринбург—1920.